

namaste

„Я вижу Бога в твоих глазах“

Mari Tee

ГЛАВА 36. Часть первая. В тюрьме.

– Привет, Дэвид. Как дела?

– Ноу мама, ноу папа, ноу виски, ноу сода, только водка и рэд-бул, – смеясь, отвечает беззубый иранец, сморщившись от яркого солнца.

– Дэвид, у нас по соседству с Россией страна есть такая, Азербайджан называется. Так вот, ты акцентом и видом очень на азе-ра похож.

– А я понимаю азербайджанский язык, он почти как иранский. Я знаю в общей сложности около двенадцати языков. Я интернациональный драг-дилер.

– Скажи мне тогда, интернациональный Дэвид, ты ведь всех знаешь. Не помнишь ли ты немца Ника, старого гоанского драг-дилера?

– Как же мне его не помнить, если он здесь двадцать месяцев сидел. Меня тогда только посадили, а он уже выходить собирался. Месяц вместе мы сидели. А для чего ты, Вася, про него спрашиваешь?

– Я его, Дэвид, тоже хорошо знаю. Драг-дилером он моим был первым. Все наркотики я раньше у него покупал. Я вот почему спрашиваю – сколько он наркотиков при себе имел, когда арестовали его?

– Триста грамм чараса и триста таблеток экстази. Такая же, как у тебя статья – 21С, от десяти до двадцати лет. Питэр у него тоже адвокат был. Не переживай, Вася, вытащат тебя адвокаты. Максимум двадцать месяцев сидеть тебе.

– Василий, визит! – кричит охранник.

Словно получив удар током, я соскакиваю с места, позабыв, о чём говорил. Ну вот, наконец-то дождался. Радостно, словно ребенок, я бегу к выходу, чтобы увидеть своих любимых.

– Как же я рад вас видеть! Василинка, какая ты стала большая. Ты выросла на целую голову. Дайте я вас всех расцелую.

Вот то единственное, о чём я мечтал почти шесть месяцев. Почему же так устроен мир, почему то, что имеем – не ценим, а

как теряем – сожалеем. Как же так вышло, что во имя своих иллюзорных жизненных идеалов и базовых принципов, я подверг риску возможность быть рядом с тем, кто мне ближе всего на свете. Какое-то время мы молча смотрим друг на друга. Маленькая Василюкина ладошка крепко сжимает мою руку. Не хочется вообще ни о чем говорить, хочется просто смотреть. Первой нарушает возникшую тишину моя мама.

– Мы Василюнке рассказали, что ты был героем, когда увидел, как хулиганы избивают девушку и защитил ее. Пришлось тебе сильно побить тех хулиганов, они в больницу попали, а тебя в тюрьму посадили. Но полиция скоро разберётся и тебя отпустит.

– Так и было, мама, – говорю я, опустив на мгновение глаза.

– Эх, папочка, папочка. Как же ты так?

– Прости меня, дочка, я обязательно скоро выйду отсюда, и мы с тобой ещё зажгём.

– Прощаю, – вздыхает моя маленькая принцесса, обняв меня за шею.

– Расскажи лучше, дочь, как тебе в русской школе учиться?

– Мне очень нравится, там я всех понимаю, и у меня много друзей.

– Видимо, не судьба из тебя фричку сделать, – улыбаясь, говорю я, целуя её в щеку.

– Нет, папа, как фричка с дредами я ходить не буду. Мне Барби больше нравится. И музыку другую я люблю слушать. А ещё, мы были у Тамира, его дочка Сурика в этом году в школу пойдёт. А я с мамой дома буду заниматься.

– Да, были мы у Тамира, – прерывает нас Лена, нежно поглаживая меня ладонью по щеке. – Что-то он как-то никак не проявляет участия в том, чтобы вытащить тебя отсюда.

– Всё, Лен, понятно, этого я и боялся. Он был моей последней надеждой. Когда пришел меня арестовывать шеф драг-полиции Ашиш, он первым делом сказал, что только Тамир может мне помочь. Протянул трубку с номером Тамира, звони, говорит, ему. А Тамир в это время на Украине был. Он сказал, что Х.Буду – лучший русский ди-джей, и много лет его хороший друг. И дочку Тамира, Сурику, сказал, что знает. И знает, что вместе с моей Василюкой они в одну школу ходят. Я поэтому шесть месяцев ждал, что может, через Тамира выйти отсюда удастся. Через шесть месяцев полиция просит суд продлить моё пребывание. Если бы кто-то мог поговорить с Ашишем, то меня могли бы выпустить под залог. По-

этому я только на Тамира и надеялся, а теперь надеяться больше не на что.

– И сколько же тебе, сын, сидеть здесь тогда ещё? – тревожно спрашивает мама, глядя меня тёплой ладонью по голове.

– Если никто из друзей Ашиша не решится поговорить за меня, то, при хороших раскладах, – год, а может полтора. А если адвокат сделает ошибку, – то от десяти от двадцати. Ведь удалось же бешеной Псю своего Муртиняна вытащить за тридцать штук баксов. А он и месяца в тюрьме не просидел. Неужели тысяч за пять меня нельзя вытащить? Я ведь уже полгода просидел. Ведь с Муртиняном вон как всё просто было. Взяли полицейские, и забыли приехать за ним на продление в суд через четырнадцать дней. А на пятнадцатый день, по закону, без продления тюремного заключения можно выйти под залог. Много способов отсюда выйти, было бы кому похлопотать за меня.

– Василь, мало того, что Тамир не захотел за тебя поговорить, он ещё и оправдывать стал того плохого дядю из-за которого ты здесь сидишь, – косясь на дочку и подмигивая мне, говорит Лена. – Ты не забывай, Вась, тот плохой дядя на Тамира работает. Нет ему резона тебя спасать.

– Есть ещё один маленький шанс – через Вову попытаться меня вытащить. Я тут спрашивал у полицейских, когда меня в суд возили, можно ли меня вытащить. Они мне сказали, пусть приедет на переговоры к Ашишу тот, кто ко мне ночью в панджимскую тюрьму приезжал. Машина с видным номером 007. А машина эта – одного из правительственных сыночков. Сын одного из министров в Гоа, друг Вовин. А если Вова откажется помогать мне, то гад он конченный. Ведь когда меня арестовывали, я бы мог деньгами Вовиными откупиться, только убедил он меня не отдавать деньги, говорил, что нет у полиции ордера на мой арест. Обещал, что если и посадят меня на денёк, то его друг быстро вытащит меня отсюда. Это же Вовин МДМА мне полиция принесла. Должны же у него быть хоть какие-то понятия? Ведь я же за него здесь сижу.

– Я попробую, любимый, с ним поговорить, только вряд ли Вова будет что-нибудь для тебя делать. С тех пор, как ты сел в тюрьму, испугался он сильно, на звонки телефонные не отвечает. Если бы хотел, то давно бы помог тебе. Бойтся он, что ты его сдашь. А может, сейчас у него, так же, как и у нас, совсем нет денег. От тех шести тысяч долларов, что дала твоя мама, всего тысяча осталась. А нам на что-то жить здесь нужно. Потерпи немного, сейчас сезон

начнётся, я начну квас делать, пирожные с гашишем продавать. Заработаю немного денег, и попробую тебя отсюда вытащить.

– Всё равно, попробуй найти Вову. На крайний случай, у меня много друзей, родственников, жена бывшая. Помогут, если я попрошу. Займу по любому я денег, только вытащите меня отсюда, пока я не спятил здесь. Тюрьма – это серьёзное испытание для рассудка.

– Держись, Василь, мы всё сделаем, чтобы ты вышел отсюда. Кстати, у меня хорошая есть новость для тебя. Мы теперь два раза в неделю к тебе в тюрьму ходить будем. Пришлось пять тысяч рупий адвокату заплатить, но я думаю, это стоит того.

– Вот же сволочь какая адвокат, получил от нас уже пятьдесят тысяч, ничего ещё не сделал, а за разрешение на дополнительное свидание опять денег берёт. Ну, да хрен с ними, с деньгами, я ещё заработаю. Как же вы тут без меня прорываться будете, вам же самим деньги на жизнь нужны. А тут я ещё, – для вас, как обуза.

– За нас, милый, не переживай. Я квартиру нашу в России сдала, каждый месяц по пятьсот долларов капает. Думай лучше о своем здоровье, и береги себя.

– Ваше время окончено, – перебивает нас начальник тюрьмы, показывая пальцем на настенные часы.

Обняв на прощание Василинку, я наслаждаюсь каждой секундой, пытаюсь запомнить эти мгновения. Сколько раз за последние полгода я представлял, как буду её обнимать. Шесть месяцев я жил без моей дочки, – это единственное, действительно ценное, что у меня удалось отобрать. Всё остальное можно наверстать, заработать или купить. Но лишив меня возможности смотреть, как растёт моя маленькая принцесса-это очень суровое наказание. Неужели там, где-то на небесах, не видят, что я уже отработал свою карму? Сколько же можно ещё меня наказывать? Неужели всё, что я делал в своей жизни, думая, что я делал добрые дела, на самом деле оказалось бредом спятившего идиота? Неужели я так сильно нагрешил, что оказался здесь?

– Увидимся через два дня, папочка, – говорит Василинка, крепко обнимая меня своими маленькими ладошками.

Лена целует меня так страстно, что хочется её оттолкнуть, ведь я так долго пытался забыть эти губы, и избавится от воспоминаний, из-за которых я часто мучился бессонницей. Как объяснить ей, что боль от того, что у меня отобрали, настолько сильна, что мне придётся сегодня до мозолей тягать мою тюремную ган-

тель. Только физическая боль поможет мне ненадолго забыть эти губы. Вот выйду на волю, и буду всегда целовать её так страстно, как сейчас это делает она.

– Лена, на нас охранники пялятся, ты же в Индии, – говорю я, отстраняясь и разрывая нашу маленькую свободу.

– Всё будет хорошо, сын, я в тебя верю, – шепчет на ухо моя мама, крепко прижимая к себе.

ГЛАВА 36. Часть вторая. На воле.

– Проходите, – открываю я дверь своим красавицам, – это теперь ваш дом.

– Вау, как красиво! – кричит моя Василинка, и с разбегу прыгает на диванчик, стоящий в большом зале.

– Как вам ваша непальская квартира? Целый месяц я по всей Покаре ходил. Все предлагают огромные дома с обшарпанной мебелью и бегающими крысами. Ни у кого нет небольшого, но качественного жилья. Эта квартирка – самая лучшая во всей Покаре. Если не обращать внимания на непальский унитаз, на котором придётся сидеть на корточках, то можно подумать, что мы в Швейцарии.

– Спасибо, милый, – в этот раз угодил. Огромный зал, спальня, столовая, кухня, телевизор. Всё, что мне нужно. Обняв меня за шею, любимая сладко целует в губы, за три месяца изголодавшись по ласке.

– Я тоже хочу папочку поцеловать! – кричит моя дочка, забираясь по мне, как по дереву. – А у меня в России зуб выпал первый, мне совсем не больно было, – показывает она смешную прорешину в ряду маленьких зубов.

– Лена, ты заметила кухню, телевизор, но ты не обратила внимания на самое главное. По всему периметру квартиры большие окна, у нас теперь обзор – триста шестьдесят градусов из любой точки. Хочешь – на вершины Гималайские смотри, хочешь – на озеро. Пойдёмте на балкон, я вам самую красоту покажу.

– Ты мне лучше расскажи, что за история у тебя с сумасшедшей Олей была? Я по твоему письму поняла, что ты трахнул её.

– Леночка, ну что ты, как всегда. Разве я писал тебе, что у меня что-то с ней было? То, что я спал с ней на одном балконе, ещё ничего не значит. Просто не могла она одна в комнате в темноте спать.

– А то, что она голая по крыше бегала – это тоже случайность? – уперевшись кулаками в бока с суровым лицом спрашивает моя жена.

– Лена, прекрати, я штуку баксов на ней заработал, а не спал с ней. Посмотри лучше, какой балкон у нас. На нём Василинка на велосипеде сможет кататься. Он размером как зал.

– Папочка, я никогда не видела столько много цветов, – кричит моя малышка, первой выбежавшая на балкон, покрытый вечно цветущим непальским вьюнком.

– Да, впечатляет. Когда мы подъехали к дому, я заметила, что весь третий этаж, словно оранжерея, весь в фиолетовых и алых цветах. Но, я подумала, что там хозяева дома живут.

– Хозяева здесь, как и в Индии, разделили первый этаж на шесть маленьких комнат и занимают одну из них. А для иностранцев из такой же площади двухкомнатный кондоминимум сделали.

– Значит, говоришь, не спал ты с сумасшедшей Олей. Зато я замечательно время провела, была на опенэйрах в Москве и в Самаре. Вокруг меня тоже куча сумасшедших парней была. Один парень мне такой анекдот рассказал, смеясь, я чуть с постели не упала, – начинает дразнить меня моя любимая.

– Зато, по-моему, ты поправилась, – наношу я ответную колкость в её сторону, – наверное, каждый день сосиски с пельменями ела.

– Ну, немного поправилась, всего на пять килограммов. Но, я обещаю, что буду здесь на велике ездить, за месяц снова похудею. А уборщица у нас здесь будет?

– Была здесь одна, но сбежала вчера. Попытался я её обучить окна мыть, хотел, чтобы к твоему приезду всё красиво было. Купил жидкость для мытья стёкол, принес чистые тряпки, газеты. Они же здесь грязной тряпкой протрут и думают, если через окно видно, значит чисто. Показал я ей своим примером, как мыть надо, а она мне говорит: «Я за это время в десяти домах стёкла помою, тебе нужна такая чистота, сам и мой», развернулась и ушла. Целый день я вчера сам все пятнадцать окон отмывал. Зато посмотри, какой вид красивый через них.

– Это хорошо, что отмыл, умница ты у меня. Но, больше всего я рада большому холодильнику, можно один раз затариться на рынке, и целую неделю не беспокоиться.

– То, что холодильник большой – это точно, моя заслуга. Когда я сюда первый раз попал, здесь вообще холодильника не было.

Подхожу я к хозяевам дома и говорю: «Хочешь сразу все деньги за пять месяцев получить? Купи сюда холодильник». Обрадовался старый непалец таким деньгам. «Да», – говорит: «Любой холодильник тебе куплю». «Только купи мне большой, хороший, тебе же потом останется». Привез он на следующий день мне холодильник чуть больше табуретки, самый дешёвый. В морозильник даже бутылка пива не вмещается. Пришлось мне самому ездить в магазин, обменивать тот маленький на большой, с доплатой.

– Я люблю тебя, любимый, в этот раз ты всё для нас сделал. Не хочу я в огромных домах здесь жить, а эта квартира – лучшее, что я видела в Непале.

– И расположение удобное. Пять минут до детского садика, пять минут до озера. До всего, что нужно – пять минут пешком.

– Тебя, Василь, послушать, так рай как будто вокруг. Жалко только, что в этом раю пойти особо некуда. Я как представляю, что три месяца здесь провести придётся, у меня сразу депрессия начинается. Мы же друг другу весь мозг разрушим. Ведь заняться здесь совсем нечем. В России столько всего интересного, а что здесь?

– А разве нельзя просто наслаждаться раем, и просто жить?

– Вася, я из грёбаного города Лабытнанги, в пятнадцать лет, в крупный город переехала – с мечтой жить в мегаполисе. Я жила в общагах, в съёмных квартирах. Я вгрызалась в жизнь, чтобы осуществить свою мечту. И только у меня стало получаться, только мы приобрели своё жильё, ты увез меня в жопу мира, где развлекать себя можно, только смотря на горы с озером, и ещё на пати у кукурузного поля ходить.

– Успокойся, любимая, нет больше здесь пати. И сюда пришла глобализация. Пати теперь и здесь запрещены. Двое русских сидят сейчас здесь в тюрьме. В их отель драг-полиция приходила. У немца в номере два килограмма чараса нашли. Немец в окно убежал, а его подельников всех в тюрьму посадили. Они пати здесь пытались проводить. Теперь трансовые пати здесь, в Покаре, незаконны.

– Вот и пати, Василь, здесь даже нет. Я себя женой декабриста чувствую. Всё, конечно, красиво. Я ценю, что ты к нашему приезду нашел хорошее гнездышко. Но, мы же ругаться опять начнём. Двадцать четыре часа, без отдыха, вместе. Ты же мне со своими лекциями о духовном развитии и квантовом скачке восприятия весь мозг выжжешь. И убежать от тебя здесь некуда. А у моих

подружек в рашке уже по две шубы норковые есть, на джипах все ездят, а не на великах, в фитнес клубы ходят, супермаркеты большие, где всё, что угодно купить можно, а не то, что есть в наличии.

– Леночка, скажи, ну зачем тебе норковая шуба? Здесь круглый год тепло, здесь круглый год цветут цветы, а вместо велотренажера у тебя здесь велосипед есть. А не хочешь на велике, – здесь такси десять копеек стоит. Ехать, правда, особо некуда. А на джипе, на большом, я вас из аэропорта встретил. Помню я твою любовь к джипам, специально для тебя, любимая, арендовал. А в супермаркетах российских продукты все наполовину из пластмассы сделаны, у фруктов и овощей вкуса своего нет, всё генетически измененное. Ты Игоря Ганди помнишь? Он был в Москве когда-то крупнейшим поставщиком сои для почти всех мясоперерабатывающих комбинатов. Так вот, он ничего из этих мясокомбинатов не ест, потому что своими глазами видел, как всё это делается. Все колбасы на восемьдесят процентов из генетически изменённой сои состоят. А мясо ты когда-нибудь видела, чтобы оно розовым после варки было? Оно серое должно быть, и жёсткое, – как у диких животных. А его такой химией обрабатывают, которую хранят в банках с надписью «Осторожно – яд». И это, дорогая, не только с мясом так дело обстоит. Во всех продуктовых отраслях в России химией заменяются все натуральные продукты. А здесь пока ты можешь есть всё натуральное, выросшее без удобрений. Даже колбасу, которую здесь туземцы делают, намного безопаснее есть, чем любую российскую, потому что не знают они ещё про химические добавки. Здесь, в Непале, есть всё, чтобы наслаждаться жизнью. Такого спокойно-го места с бюджетом сто долларов на человека в месяц ты нигде больше не найдёшь. Богатые люди приезжают из больших городов в Непал, потому что умеют ценить это состояние покоя, когда не надо никуда спешить. Другие люди только мечтают о возможности месяцами любоваться Гималаями. А если ты и здесь покоя в голове найти не можешь, то и нигде тебе его не будет. Ни в мегаполисе, ни на необитаемом острове. Ты всегда чем-то недовольна. Видимо, это неотъемлемая черта всех женщин. Тебе всегда всего мало.

– Это ты, дорогой, можешь кайфовать где угодно, потому что всем объелся уже. А для меня эта Покара, как тюрьма. Три месяца, как в непальской тюрьме.

– Лена, тюрьма у нас в голове, и если ты избавишься от неё, то тебе будет неважно, где ты находишься. Тебя тогда от всего переть будет. А радоваться нужно уметь всему, что имеешь в данный момент жизни. И даже в тюрьме или на помойке можно быть счастливее, чем в Голливуде. Посмотри, как здесь люди все счастливы, все улыбаются, а тебе супермаркеты подавай.

– Мама, папа, ну опять вы ругаться начинаете! Мы только приехали, а вы опять поругались.

– Нет, дочь, мы не ругаемся. Это мы с мамой спорим, где лучше жить – в России или в Непале.

– Ты, пап, пойди пока чилум покури на балконе, добрее будешь. Мама вещи пока разберёт, а я тебе игрушечных пирожных сделаю.

– Не злись на меня любимый, – снова нежно обняв меня, шепчет на ухо моя Лена, – Я просто устала после ночного перелёта, мне нужно отдохнуть пару неделек, акклиматизироваться, и я успокоюсь. Всё будет хорошо. Я сейчас вещи пока перекладывать буду, а ты послушай лучше, что в России происходит. Ты только не обижайся, милый, ты всё красиво расставил, вещи разобрал, но я все переставлю по-своему.

– Хорошо, дорогая, но только после не обижайся, если мне что-то в квартире найти нужно будет, я к тебе обращаться буду.

– А ты запоминай, куда я всё раскладываю.

– Да сложно мне, Леночка, запомнить, что где лежит, если не я это туда положил. И вообще, мне кажется нелогичным, как ты все время вещи разбираешь, – говорю я, чувствуя, что начинаю снова заводиться. – Мне в жизни в голову не придёт идея поставить стеклянную банку со стиральным порошком на узкий подоконник. Она же может оттуда упасть и разбиться. Это же не логично! Логично поставить её на пол.

—А по-моему, дорогой, не логично уронить её оттуда, слонем нужно быть, чтобы задеть её.

Какое-то время я молча, с разочарованием, наблюдаю, как идёт коту под хвост моя двухдневная работа по логическому раскладыванию вещей.

– Ну, да ладно, перекладывай всё, как хочешь. Рассказывай, что ещё нового в расшке, кроме норковых шуб у твоих подружек.

– Пришла повестка на твоё имя в милицию. Пошёл туда твой отец на разведку, и узнал, что бухгалтер твой, Влад Сернов, который у тебя последние пять лет работал, воровал твои деньги.

Точнее, государственные, те, которые ты давал ему на оплату налогов. Он, оказывается, половинил эту сумму: половину проплачивал, а вторую – делил с налоговым инспектором, дружком своим. Бухгалтер твой из бывших налоговых инспекторов, много лет они воровали твои налоги, а тебе он фальшивые платежки на компьютере делал. После того, как мы в Индию уехали, проверка их и поймала. Но, они не долго думая, на тебя всё и свалили, а налоговая полиция завела дело на тебя по статье «мошенничество». Должен ты государству российскому полмиллиона. А на них ещё и пени ежедневно капают. Арестована наша квартира, её теперь не продашь. Судебные приставы угрожают выставить её на продажу. Если по прилету в рашку ты покажешь пограничникам свой паспорт, то нажмут они на кнопку специальную, и прибегут менты с наручниками. И будут тебя держать, пока во всем не разберутся. А как долго – это суд решит.

– Интересная новость, даже не знаю, радоваться мне или плакать. Я ведь Влада другом своим считал, и расписок не брал с него никаких, когда деньги на налоги давал. Одно радует, что хоть не за наркотики дело завели. А то мало ли, сколько контрабандистов у меня чарас на экспорт покупали. Думал, по делу Серёги, или, может быть, по делу Илки. Разберёмся мы с этой проблемой. Вон, Тамир восемь лет не мог вернуться в Россию, а мы это дела замнём года за два. Заработаем ещё денег, и отдадим все долги. Надо только поднапрячься немного, но это не проблема. Я полон энергии и думаю, что в следующем году мы ещё больше денег заработать должны. Саша Венус, написав книжку про Гоа, мне прекрасную рекламу сделал, на протяжении всей истории я в этой книге положительным героем прохожу, про ресторан наш там написано, про психоделическую революцию и про квас. Лошак с НТВ в передаче «Профессия – репортёр» моё интервью на всю страну показал. С Центрнаучфильма приезжали, кино документальное сняли. Три российских телеканала сняли про наш ресторан разные передачи, пять журналов статьи напечатали, мы теперь лицо российского дауншифтерства. Теперь к нам туристов ещё больше приедет. А если достаточно денег заработаем, то после раздачи долгов с продажей наркотиков удастся завязать.

– Хорошо бы, если так, – вздыхает Лена, расставляя на тумбочке невероятное количество баночек с косметикой. – А о Саниной книжке, «Гоа синдром», действительно, сейчас в рашке говорят. И

в журналах, и в интернете – куча различных отзывов. Хорошо ему удалось описать наш первый сезон.

– Да, Лен, красиво всё начиналось. Кто бы мог тогда подумать, что это последний сезон для всех фриков и хиппи. А сейчас в Гоа одни психи, пьяницы, наркоманы и неудачники остались. Но, тем не менее, многие прочитали «Гоа синдром», и приедут в следующем сезоне посмотреть на Землю Обетованную. Ведь все думают и верят, что гоанский рай ещё жив. Всё у нас, Леночка, получится. Хрен с ними, с фриками, с трансом, – будем на туристах зарабатывать и в море купаться.

– Надеюсь, Василь, всё так и будет. Потому, что другого выхода у нас нет. Расскажи мне лучше, дорогой, что тут, в Непале, нового с прошлого года произошло, – спрашивает меня Лена, старательно перекладывая стопку с моими вещами с правой полки шифоньера в левую. Про отелившихся коров и свиней у соседей можешь не рассказывать. Врядли что-то могло измениться за год в Покаре.

– Из новостей: персонаж здесь один новый появился, Маратом зовут. За два месяца так на героине сторчался, что как скелет стал выглядеть. Совсем отмороженный, на всю голову. Взял в прокат мотоцикл, удалбался, и забыл его где-то. Его непальцы заставили новый покупать, попытался он возмущаться, побили его хорошо. Купил он им новый мотоцикл, а через два месяца вспомнил, где оставил старый. Если будет денег у тебя просить, не давай ему. Всё равно всё проторчит, и не отдаст. Он всей Покаре уже денег должен. Ещё один новый русский придурок здесь появился, Акамом зовут. Продал в Москве свою коммунальную квартиру и хочет, по приезду в Гоа, прокат байдарок и резиновых лодок устроить. Ты его сразу узнаешь, он на Шурика из кавказской пленницы похож. Немного жалко даже его. Боюсь, разведут его на его деньги ещё до Гоа. Он, как добрый сумасшедший думает, что вокруг только хорошие люди. А, в основном – всё по-старому. В Покару съехались все драг-дилеры, кто здесь в прошлом сезоне жил. Отдыхают, делают свои дела.

– Доброе утро, любимая, – бужу я нежными поцелуями свою спящую Лену.

– Мапочка, просыпайся, – целует её в другую щеку Василя, проснувшаяся первой. – Меня сегодня папа в детский сад поведет, ты пойдешь с нами?

– Как вы так рано можете просыпаться, – потягивается Лена, не открывая глаза. – У меня после вчерашнего рома с колой голова болит. Разогрей ей кашу, она в холодильнике. Я сейчас просыпаюсь уже.

– А я, любовь моя, прекрасно себя чувствую. Ты вот, Леночка, уже неделю здесь живёшь, а всё не привыкнешь просыпаться вместе с солнышком. Может, нам стоит прекратить выпивать по вечерам?

– Слушай, не начинай мне с утра портить настроение своими нравоучениями. Отведёшь Василинку в сад, зайди к Лэнку. Тай-чи с ним позанимайся, позавтракай в ресторане, покури, а потом возвращайся. Только не трахай мне мозги, я посплю пока. Василинкины вещи на тумбочке лежат.

Я иду по пустынной, маленькой улочке, держа за руку мою дочку. Ещё не жарко, солнце пока не успело осушить ночную росу на зеленых листьях. Воздух всё ещё пахнет ночной свежестью и цветущим жасмином. Создатель раскрасил эту землю в яркой палитре. Цветами покрыты практически все кустарники, трава и деревья. От такого буйства красок приходят в голову мысли, что, наверное, так вот и должен выглядеть рай. Моя маленькая принцесса, срывая по дороге самые красивые цветочки, держит в руках разноцветный букет из необыкновенных цветов.

– Как тебе, дочь, в новом детском садике? Нравится?

– Да, папочка, там даже, как я, есть двое не непальских детей. Точнее, наполовину непальских: Катрин, у неё папа немецкий, а мама – непалка. И ещё один мальчик, у него мама японская, а папа – непалец. Они хорошо говорят по-английски, и я люблю с ними играть.

– Посмотри, дочь, как же вокруг всё красиво!

Из-за отсутствия машин, зелень вокруг нас не покрыта слоем пыли, как в крупных городах, где транспортных средств почти столько же, сколько и людей. Вся эта зеленая масса цветет круглый год, разукрашивая окружающий мир всеми цветами, какие только можно представить. Проходя мимо дерева, покрытого большими белыми колокольчиками размером с бутылку, мы приостанавливаемся, чтобы полюбоваться необыкновенными цветами.

– Папочка, смотри какие огромные колокольчики, я таких никогда ещё не видела! А вон, посмотри, другое дерево, всё покрыто маленькими ярко-фиолетовыми цветами.

– Смотри, дочь, какой зеленый рис растёт в поле, а на нём, видишь, женщины работают в малиновых сари. Скажи же, невероятно красиво?

– Да, папочка, в Непале – как в сказке. Всё яркое и разноцветное. А в Россию мы, когда с мамой приехали, там всё как будто в серо-белом кино. И люди там на улицах не здороваются, и не улыбаются друг другу.

Пройдя ещё несколько метров, мы снова останавливаемся и наблюдаем, как три огромные, размером с мой кулак, улитки медленно переползают асфальтовую дорогу.

– Самая большая – это, наверное, папа-улитка. Поменьше – мама, а последняя – это я, их дочка, – звонко смеясь, говорит моя маленькая красавица.

– Ну вот, мы и пришли, смотри, – все твои друзья уже собрались, пока мы улиток разглядывали. Слушайся воспитательницу, а я пойду тай-чи с Лэнком позанимаюсь. А в обед я за тобой приду.

По пустынной дороге к Лэнку мне навстречу попадает несколько местных жителей, которых я вижу впервые. Не смотря на то, что, возможно, я никогда их больше не повстречаю, каждый из них сложив лодочкой ладошки на груди, улыбаясь, здороваются со мной, произнося непальское «намастэ». Зайдя во двор дома, где живет Лэнк, я вижу, как он, сидя в беседке, держа в одной руке джойнт, а в другой – кисточку, что-то рисует на майке, натянутой на подушку.

– Намастэ, Лэнк, – здороваюсь я по-непальски, соединив ладони на груди. Я тай-чи пришел с тобой позаниматься. Ты готов взять меня сегодня в ученики?

– Намастэ, намастэ, сейчас джойнт докурим и пойдем на крышу. Там в тени деревьев ещё час не жарко будет. А ты знаешь, Вася, что значит непальское «намастэ»?

– Наверное, приветствие.

– «Намастэ», Вася, означает «я вижу бога в твоих глазах». Скажи, ведь продвинутые в этом плане непальцы?

– Красиво, я никогда не задумывался об этом.

– А вот меня, Васян, вдохновение посетило. Два часа уже как рисую. Целый месяц уже над одной майкой работаю. Баксов за пятьсот её буду продавать, не меньше. Смотри, какие буддистские демоны получаются, – показывает Лэнк белую майку, практически всю покрытую тонким красивым узором, сквозь который просматриваются лики восточных божеств. Проснулся сегодня

ни свет, ни заря, с жутким желанием порисовать. Ни умывался, ни завтракал, – взялся за кисточку, и рисую всё утро.

– Да, твои майки видные. Каждая – как неповторимая картина, красок наложено больше, чем фона. И все орнаменты такие интересные, что вблизи как узоры кажутся, а издалека – словно драконы или демоны.

– Иногда, Васян, удаётся такую баксов за пятьсот продать, а иногда получается вместо долга вернуть. Я, как любой нормальный художник, всегда в долгах. А вообще, я люблю в подарки такие вещи дарить тем людям, которые понимают и ценят работу художника. «Армани» или «Бриони» любой осёл может купить, не задумываясь, что тысячи таких же ослов ходят в таких же одеждах. Расписанная мной одежда гарантированно в одном экземпляре. Люди, ценящие мои подарки, тоже делают мне бесплатно какие-нибудь услуги, или тоже что-нибудь дарят. Дарить мне больше нравится, чем продавать.

Мы докуриваем косяк в обросшей зеленым вьюнком беседке и поднимаемся по лестнице на крышу второго этажа, чтобы понаблюдать сверху, как трудолюбивый непалец подстригает с утра аккуратный газон вокруг дома.

– Люблю я, Васян, за это непальцев. Индус предпочел бы поспать и мусор разбросить напротив входа. А эти – как муравьи, всё делают красиво.

Поднявшись на крышу, мы встаём в том месте, где высокие бамбуковые заросли бросают густую тень.

– Сейчас, Васян, я научу тебя стоять в столбе. Повторяй за мной. Ноги на ширине плеч, слегка согнуты в коленях, руки перед собой, пальцы рук на уровне глаз и стой так, созерцая пространство между ладоней. Стой так, сколько сможешь, желательно в этот момент ни о чём не думать. Я тридцать минут так стою, по утрам и вечером. Продвинутые даосские монахи по два часа в день так стоят.

Простояв пять минут, я понимаю, что это упражнение идеально подходит для меня. Эта гимнастика и медитация, как раз для таких ленивых людей, как я. Простояв ещё несколько минут, я начинаю чувствовать, что весь уже покрылся потом, и что у меня трясутся коленки. Руки, налившись свинцом, держатся параллельно земле последними усилиями.

– Всё, Лэнк, я больше не могу. Ощущение, что я полчаса уже занимаюсь гимнастикой.

– Ну, тогда жди меня, я через полчаса закончу, – говорит Влад, продолжая смотреть в одну точку, и улыбаясь лишь уголками губ.

Сев на лежащий рядом матрасик, я вдруг ощущаю мощную волну блаженства и эйфории, прокатившуюся по моему телу. Прислонившись затылком к бетонному парапету, я наблюдаю, как гармонично выглядит Влад. На фоне зелёного бамбука и гималайских вершин, покрытый восточными татуировками, он сейчас похож на футуристичного Будду двадцать первого века.

– Ощущение, Влад, что ты сидишь на невидимом дзен-коне. Меня от твоего вида сейчас так торкнуло, что, кажется, я понял, отчего ты так прёшься, ежедневно делая эти упражнения. Ты же ежедневно не только приводишь мышцы в тонус, но и даёшь мозгу отдых. У меня сейчас, Влад, тоже получилось на десять минут отключить свой мозг, который, как заезженная пластинка, гоняет в голове какую-то бесконечную ерунду. Целых десять минут я ощущал бренность всего окружающего мира, я ощущал себя маленькой частичкой Вселенной, которая сейчас немного заботится о себе, создавая тонус в теле. Создавая этот тонус в мышцах, я почувствовал, как беспокойное сознание успокаивается, погружая меня в состояние блаженства. Я, так же как и ты сейчас, стоял и улыбался этому миру.

– Знал бы ты, Васян, насколько давно умные даосы это просекли. У них ещё круче гимнастика есть. Багуа-цзы называется. Эту гимнастику их шаманы придумали, но до неё нам ещё далеко. Вот научусь по два часа в столбе верхний дань-тянь держать, поеду в Китай, искать себе учителя по Багуа. Не только от наркотиков на этом свете переться можно. Много ещё интересных вещей в Азии есть. Хотя, что лицемерить, грешен я любовью к наркотикам, но всё равно, я изо всех сил стараюсь ими не злоупотреблять, – расплывшись в улыбке, говорит Лэнк, не пошевелив ни одной мышцей. – Все, Васян, на сегодня хватит гимнастики, пойдём в рестик, позавтракаем. Что-то у меня сегодня творческое настроение. Хочу на завтрак яичницу, обжареную с сыром на свежей белой булочке, блинчики с мёдом, чашку кофе с молоком и стакан мятного чая. Пять лет назад я весил сто шестьдесят килограмм, а сейчас – всего лишь сто. Могу же я себя побаловать, если с утра хорошее вдохновение. Если хочешь, Вась, каждый день можешь приходиться, вместе будем заниматься. Я тут каждое утро с семи уже не сплю.

– Куда, Лэнк, пойдём завтракать? В “My beautiful restaurant” или в “Be happy”?

– А пойдём, Вася, сегодня в “Be happy”, – шиковать, так шиковать. Там завтрак на полдоллара дороже будет, зато вкуснее на все десять. И рож русско-убанских там не видно, приличные все люди. Творческое у меня с утра настроение, ни в чём себе сегодня отказывать не буду. Если раньше, Вась, в “My beautiful restaurant” сливки психоделического андеграунда тусовались, то сейчас наркоманы, больные спидом и сумасшедшие. Как так вышло, понять не могу.

По пути в ресторан десятки зазывал пытаются пригласить нас в пустующие заведения. Зайдя в семейный “Be happy”, где в прошлом, революционном сезоне, моя семья была почти единственными клиентами, я вижу радостного хозяина заведения, суетливо обслуживающего несколько занятых столиков. Здесь моя Лена научила повара делать картофельное пюре, а не отвратительный клейстер из картошки, здесь научились делать драники, борщ и другие русские блюда. На стенах среди фотографий просветленных старцев, курящих в разных позах чилумы, висят рисунки моей дочери, с изображениями хозяев этого ресторана. Детские рисунки непальского дедушки и двух его дочерей, сына и матушки, по-детски нелепы и смешны, но, тем не менее, приятно, что спустя полгода хозяева всё ещё держат их на стенах своего заведения. Эти люди проводят большую часть жизни в своем ресторане. Увидев нас, ещё издаликая взрослая дочь главы семьи, расплывшись в улыбке, быстро растилает на наш любимый столик новую скатерть.

– Хочешь, Вась, покажу тебе, как отличить настоящего психоделического воина от обычного пассажира-двухнедельникa? – обращается ко мне Влад, делая глоток мятного чая. – Смотри, вон за тот столик два чая только что принесли. Вон тот тип, который не торопясь, медленно размешивает сахар в своем стакане, любуясь появившейся из облаков Гималайской вершиной – это француз, старый матёрый контрабандист. Он из Колумбии в Париж в животе килограмм кокаина за раз привозит. Пару сделок в год делает, и потом вот так расслабленно медитирует. А тот, что рядом сидит, – это Акам. Смотри, с какой скоростью он чай мешает. Кажется, что куда-то опаздывает. Чай из чашки аж в блюдце плещется. А ведь торопиться ему, на самом деле, некуда. Станный он какой-то, этот Акам. Продал свою комнату в Москве за тридцать шесть штук баксов, и ходит, всем треплется об этом. Мается бедолага, не зная, куда эти деньги пристроить. А сам умом – как Буратино, хоть и на флейте хорошо играет.

Проходящая мимо ресторана корова, словно заинтересовавшись нашей беседой, остановилась, разглядывая то меня, то Акама, то французского контрабандиста.

– Разведут Акама здесь на бабки какие-нибудь жулики, сто пудов. Жалко его даже, ну да хрен с ним. А вон и Арик, – резко переключившись на другую тему, говорит Лэнк, показывая на высокого парня, идущего по дороге с веселым зонтом от солнца.

– Арик тоже наш пассажир. Смотри, идёт каждым мгновением наслаждается, – обращаюсь я к Лэнку, попивающему чай.

– Здорово, Ара, что это ты сегодня сияешь? – говорю я, протягивая подошедшей близко корове недоеденный мною тост.

– Здорово, Вась, здорово Лэнк. Я вчера последний анализ сдал, – нет СПИДа у меня! Полгода прошло после того, как умерла эта дура. Не удалось ей меня с собой на тот свет утащить. Предлагаю по этому поводу выкурить чилум и заказать по фруктовому салату с мороженым, – радостно говорит Арик, плюхаясь в пластмассовое кресло.

– А что же не покурить по такому поводу? Покара пока единственно место на планете, где можно это сделать на центральной улице в ресторане, – улыбаясь, говорит Лэнк, хлопая ладошкой по морде коровы, пытающейся просунуться к нашему столику за добавкой.

– Чтобы я ещё кого-нибудь трахал без гондона, – никому теперь не верю! Предлагаю выпить за гондоны, – говорит Арик, поднимая стакан с чаем. – Кстати, Вася, дело у меня к тебе есть. Мне тут недавно гоанцы одни письмо из Москвы написали, говорят, что нет сейчас в Москве ЛСД. Кокаином вся столица засыпана, а «кислого» ни у кого нет. А я знаю, что у тебя пара бутылок ещё оставалась. Они и деньги мне уже на карточку бросили. Не желаешь подзаработать? Тебе надо им только посылку почтой отправить. Купишь ерунды всякой на пятьсот рупий для отвода глаз, перельёшь кислоту во флакончик из под капель для ушей, и пошлешь. На маленькую посылку в анкете отправителя твою фамилию вписывать не надо. Так что ты ничем не рискуешь. Если всё удачно срastётся – откатишь мне потом.

– Как, Арик, здесь, в Азии, всё вовремя происходит! Только деньги кончаются – сразу же небеса ещё дают. Бом Шива! – восхваляя богов, кричу я, выдохнув большую затыжку сладкого, душистого дыма. – Штука баксов как раз мне нужна, а то я последние шестьсот Дэну взаймы дал.

– Привет, Дэн. Неделя прошла, ты, наверное, долг мне пришел отдать. Но, что-то на тебе лица нет. Что с тобой? Задержка с деньгами? Не волнуйся, мне Арик штуку баксов подогнал, так что я ещё месяц могу подождать.

– Нет, Вась, я по другому поводу пришёл. Я решил выйти из дела. Вот тебе назад твои два килограмма чараса, – опустив глаза, говорит Дэн, кладя пакет на стол. – Не хочу я его через границу провозить.

– Дэн, это, конечно, твоё дело, но только я для тебя на последние деньги чарас покупал. Тебе же семью в Индии кормить надо будет. На что жить-то собираешься?

– Мало мне пятьсот баксов за такой риск.

– Дэн, но у меня просто нет больше денег. Чем больше ты чараса в Индию привезёшь, тем больше и заработаешь. Да и договорились мы, вроде, уже.

– Я передумал, – не поднимая взгляд от пола, говорит Дэн, протягивая мне маленький сверток. – Здесь твой МДМА. Девяносто грамм. Десять грамм я со своей подружкой съел. Не хочу я больше продавать наркотики. Параноя у меня драг-дилерская началась, полиция везде мерещится. Уезжаю я завтра в Бомбей.

– А как же, Дэн, шестьсот баксов, которые ты у меня на недельку брал?

– Шестьсот баксов, считай, ты мне заплатил за то, что я тебе МДМА сюда, в Непал, через границу провёз.

– Дэн, но это же я для тебя всё делал. У меня деньги были на жизнь, и бизнес у меня в Гоа есть. Я же для тебя последние деньги в наркотики вложил. Ты же понимаешь, Дэн, что ты кидаешь меня сейчас. Я же другом тебя считал. Я же подставлялся за тебя, когда ты на пати перед полицией «димыч» на подносе рассыпал. Если бы не я, ты бы сейчас в гоанской тюрьме сидел.

– Сам занимайся этим бизнесом. Плевать я хотел на твою дружбу.

– Ну, тогда прощай навсегда, Дэн, знать тебя больше не хочу. Я и без тебя сам провезу всё через границу. А ты поступаешь подло и трусливо. Нечего мне тебе больше сказать.

– Думай, как хочешь. Пока, Вася, пока, Лена, – так и не поднимая взгляда, говорит Дэн, выходя за дверь.

– Ну что, Василь? По-моему, накрылась медным тазом моя возможность самолётом в Гоа возвращаться. Опять этими грёбаны-

ми поездами и автобусами. Да ещё с мешком наркотиков, – возмущённо говорит Лена, нервно закрывая за Дэном дверь. – Скоро в Гоа возвращаться, а денег опять с гулькин нос.

– Какой же я мудака, ведь Дэн просил у меня взаймы триста баксов, а я ему последние шестьсот отдал.